

УДК 37.013.43:81'271.1(045)
DOI: 10.22213/2618-9763-2021-4-54-69

И. М. Некипелова, кандидат филологических наук, доцент
Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия

АБСОЛЮТНЫЕ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ОШИБКИ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО: РАЗГРАНИЧЕНИЕ И ВИДЫ

Статья посвящена исследованию природы ошибок, допускаемых носителями русского языка как неродного в речи. В ходе исследования автором были пересмотрены принципы и критерии ошибок и, наряду с коммуникативно-значимыми и коммуникативно-незначимыми ошибками, выделены ошибки абсолютные и относительные. В исследовании применяется метод проблемно ориентированного поиска, который позволяет привлекать данные других наук, дающие более точное понимание исследуемых процессов. Анализ языкового и речевого материала показал, что к абсолютным ошибкам следует относить такие ошибки, которые видны и которые влияют (коммуникативно значимые) или не влияют (коммуникативно незначимые) на понимание ситуации, к относительным ошибкам следует относить такие, которые не видны, но которые влияют на понимание ситуации. Было выявлено, что современная лингводидактическая система оценивания ошибок в речи иностранцев основана на выявлении только абсолютных ошибок. Однако допущение говорящими относительных ошибок в достаточной степени осложняет социальное взаимодействие носителей русского языка как родного и носителей русского языка как неродного, поскольку возникает из-за нарушений в выражении базовых категорий, заложенных в русском языке и формирующих его уникальность. Среди таких категорий автор выделяет категории абсолютного и относительного признака; результативности и нерезультативности действия; принадлежности, существования и совместного действия; модальности; полноты и неполноты действия. В заключение был сделан вывод, что относительные ошибки чаще всего возникают из-за слабой представленности и проработанности тем, содержащих выражение указанных категорий, в учебных программах, учебниках и учебных пособиях, использующихся в процессе обучения иностранцев русскому языку как иностранному. Автор пришел к выводу, что понимание природы абсолютных и относительных ошибок способствует не только более полному пониманию того, что может быть заявлено в речи иностранцев, но и предотвращению допускаемых ошибок за счет переработки и корректировки учебной программы, а также проектирования новых учебников и пересмотра методики оценивания лингводидактического тестирования.

Ключевые слова: абсолютные ошибки; относительные ошибки; коммуникативно значимые ошибки; коммуникативно незначимые ошибки; обучение русскому языку как неродному; методика оценивания.

Введение

С начала разработки методики преподавания русского языка как иностранного существовала проблема, заключающаяся в поисках методов и принципов оценивания речи говорящего на русском языке как на неродном. И несмотря на то что разработанная некоторое время назад методика оценивания достаточно успешно и весьма продуктивно используется в целях осуществления лингводидактического тестирования, в научных и методических кругах продолжают вестись дискуссии и споры о том, какие принципы должны быть положены в основу классификации ошибок, допускаемых иностранцами в устной и письменной речи, продуцируемой ими на русском языке, не являющимся для них родным. Многие ученые, затрагивающие этот вопрос в своих исследованиях, обращают внимание на то, что в соответствии с общепринятой классификацией, учитывающей исключительно принцип коммуникативности речи, не всегда оказывается возможным точно

квалифицировать ту или иную ошибку не только с точки зрения ее коммуникативного влияния на речь в целом, но и иногда даже с точки зрения восприятия ее как ошибочного высказывания [1–3].

Постановка проблемы

В основу оценивания речи, выраженной на русском языке, первоначально были положены принципы, связанные с аспектами языка, к которым относятся фонетические, грамматические и лексические, а также ошибки, связанные с аспектами речи (неадекватное оформление речи, логические ошибки, нарушение правил литературной нормы, правил речевого этикета). Так, например, С. Н. Цейтлин выделяет ошибки, характеризующие устную речь, ошибки, характеризующие письменную речь, и ошибки, характеризующие устную и письменную речь [4, с. 14]. Эта классификация имеет общий характер оценивания речи как на родном, так и на иностранном языках, поскольку затрагивает наиболее об-

щие, или базовые, принципы, которые коррелируются со структурой любого языка.

Однако преподавателям русского языка как иностранного и тестерам, осуществляющим лингводидактическое тестирование, приходилось и приходится, безусловно, до сих пор сталкиваться с такими ошибками, которые не могут считаться характерными для носителей русского языка, поэтому попытки применить существующие типологии по языковым уровням и по видам речевой деятельности, касаемые оценивания точности и чистоты речи, выраженной на родном языке, не всегда успешны. Вследствие этого специалисты в области русского языка как иностранного со временем пришли к выводу о необходимости введения совершенно иного критерия анализа ошибок – прежде всего критерия успешности и неуспешности коммуникативного акта, учитывающего влияние ошибок на продуктивность общения.

В результате исследования успешности актов коммуникации были выявлены следующие показатели [5, с. 113–114]:

1) результативность (выполнена ли коммуникативная задача, достигнуто ли коммуникативное намерение);

2) коммуникативная значимость (релевантность) и ценность (новизна, глубина мыслей) речевых актов;

3) экономичность (экономно ли достигнуты цели);

4) приемлемость формы и содержания (лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический, страноведческий компоненты коммуникативной компетенции).

Хотелось бы несколько уточнить эти критерии успешности. Результативность предполагает, на наш взгляд, не только выполнение, но и степень выполнения коммуникативной задачи и достижения коммуникантом коммуникативного намерения. Коммуникативная значимость должна быть выявлена не только через новизну и глубину мыслей, но и через полноту выражения идей и замыслов, соответствие сказанного авторскому замыслу. Экономичность представляется нам как точность выражения мысли и выбор наиболее точного и успешного варианта высказываний из возможных на русском языке. Приемлемость формы и содержания должна содержать, помимо указанных, смысловую цельность, соответствующую заявленной действительности.

Показатели успешности осуществления коммуникативного акта легли в основу нескольких классификаций. Так, М. Бэрт и К. Кипарски

различают глобальные и локальные ошибки. К глобальным ошибкам относятся такие, которые нарушают суть и логику высказывания (отсутствие владения типами речи, низкий уровень дискурсивной компетенции, невозможность создавать цельный и связный текст, игнорирование характера ситуации общения и социальных ролей коммуникантов и пр.), при этом их наличие приводит к коммуникативному сбою, а их совокупность – к коммуникативной неудаче. К локальным ошибкам относятся такие, которые мешают коммуникации, но не нарушают ее [6, с. 241].

Коммуникативный аспект также лежит в основе классификации Ю. А. Склизкова, который выделяет «сильные» ошибки, т. е. такие, которые затрудняют понимание речи, и «слабые», которые принципиально не влияют на ее понимание [7, с. 10].

Существует также разграничение ошибок (*errors*), являющихся результатом типичного отклонения от правил и норм при выполнении речевого действия, и оплошностей (*mistakes*), допущение которых связано, скорее, с психологическими и физиологическими факторами: усталостью, рассеянностью и т. д. [8].

Очень важным дополнением приведенных классификаций является и то, что, помимо характера допускаемых ошибок, следует учитывать соотношение их количества с общим объемом высказывания, т. е. «плотность ошибок» [9, с. 36].

Рассматриваемые классификации ошибок были разработаны на основе методик преподавания иностранного языка и имели обобщенный характер, однако с развитием системы тестирования по русскому языку как иностранному проблема совершенствования классификации типологии ошибок стала еще более актуальной, поскольку перешла из сферы теоретического знания в сферу методики оценивания и приобрела дополнительную практическую значимость. В связи с этим в методике преподавания русского языка как иностранного и оценивания речи на неродном языке появилась необходимость дифференцировать ошибки с точки зрения степени их воздействия на акт коммуникации и, как следствие этого, их значимости в акте коммуникации.

В настоящее время в современной методике оценивания лингводидактического тестирования, замкнутого уровнями владения русским языком как иностранным и сосредоточенного на них, требования к которым, хотя и прописаны, но имеют не точный, не достаточный и иногда противоречивый характер, традиционно выде-

ляются ошибки коммуникативно значимые (КЗО) и коммуникативно незначимые (КНЗО).

Под коммуникативно значимыми ошибками понимаются «языковые (лексико-грамматические, фонетические, интонационные и др.) или социокультурные ошибки, приводящие к нарушению коммуникации, непониманию или неверному пониманию при общении» [10, с. 101], искажению «смысла отдельной фразы, диалогического единства, разговора в целом, что делает затруднительным или невозможным продолжение коммуникации» [11, с. 27], а также «нарушения тех или иных норм изучаемого языка, приводящие к нарушению коммуникации, непониманию или неверному пониманию смысла коммуникации при общении», «грубые, полностью искажающие смысл коммуникации, снимаемые контекстом, изменяющие смысл коммуникации» [12, с. 41], т. е. те отклонения от норм, которые ведут к сбою коммуникативного акта и коммуникативной неудаче.

Следовательно, коммуникативно значимые ошибки – это ошибки, нарушающие акт коммуникации, искажающие смысл высказывания, нарушающие диалогическое единство, в результате чего приходится констатировать, что акт коммуникации не может состояться: смысл высказывания нарушается настолько, что его восстановление не представляется возможным. Под коммуникативно незначимой ошибкой понимается «нарушение тех или иных норм изучаемого языка, не влияющее на успешный ход коммуникации», наличие этих ошибок в речи не ведет к коммуникативной неудаче, а вызывает лишь ее сбой [13, с. 41].

Ошибки различаются по принципу того, каким образом они влияют на нарушение акта коммуникации: отсутствие нарушения коммуникации, затруднение коммуникации, коммуникативный сбой, коммуникативная неудача. Коммуникативная неудача усматривается в тех случаях, когда «задание не выполнено, цель не достигнута, акт коммуникации не состоялся», в то время как «коммуникативный сбой – это изменение, искажение намерений говорящего» [14, с. 41].

Однако, если сравнить эту классификацию с классификациями, сформулированными М. Бэртом, К. Кипарски и Ю. А. Склизковым, то можно увидеть их идейное совпадение. Термины всех трех классификаций, в основу которых положен принцип коммуникативной успешности, являются синонимами, а их различие проявляется лишь в том, что первая классификация ориентирована на методику оценивания результа-

тов лингводидактического тестирования, полученных в ходе проведения экзамена, а вторые две – на методику преподавания русского языка как иностранного. Следует, однако, сказать, что не может и не должно существовать принципиальной разницы в принципах классификации ошибок, допускаемых обучающимися во время обучения и во время сдачи экзамена.

Исследование

Как уже было сказано выше, в теории речевой коммуникации ошибки, допускаемые говорящими на неродном языке, принято подразделять на коммуникативно значимые и коммуникативно незначимые, и этот аспект в разграничении ошибок, безусловно, имеет место быть. Однако несмотря на относительно давнюю традицию анализа ошибок в коммуникативном аспекте [15], многие исследователи отмечают, что «до сих пор не существует общего реестра коммуникативно значимых и незначимых ошибок, то есть тестирующий оказывается в довольно сложной ситуации: квалификация ошибки происходит на основе опыта и языкового чутья экзаменатора без использования какой-либо строгой классификации, системно описывающей данные явления» [16, с. 17].

Как справедливо утверждают некоторые исследователи, граница между коммуникативной неудачей и коммуникативным сбоем не всегда видна, поскольку одна и та же ошибка может быть расценена или воспринята тестирующим как коммуникативно значимая или коммуникативно незначимая. Уровень языковой подготовки самого тестера, его вовлеченность или невовлеченность в учебный процесс, владение английским или иными иностранными языками или отсутствие владения ими – все это снижает объективность оценивания. Следовательно, интерпретация и разграничение ошибок во многом носит субъективный характер, а сам процесс оценивания в методике РКИ описан слабо.

Если оценивать речь с точки зрения ее коммуникативной успешности, то, на наш взгляд, совершенно справедливыми следует считать следующие степени нарушения акта коммуникации:

- 1) акт коммуникации не состоялся из-за грубейших, не поддающихся исправлению ошибок;
- 2) состоялся, но искажен до невозможности восстановления;
- 3) есть возможность восстановить, но с большим трудом и посредством контекста;
- 4) есть двусмысленность, неустранимая никаким способом.

Ошибки, приводящие к такого типа нарушениям, следует считать коммуникативно значимыми. Все остальные ошибки, по всей видимости, необходимо относить к коммуникативно незначимым. Однако встает вопрос о том, насколько можно считать ошибками такие, которые снижают качество восприятия речи.

Таким образом, выделение исключительно коммуникативно-значимых и коммуникативно-незначимых ошибок в речи говорящих на неродном языке имеет свои существенные недостатки, которые заключаются в следующем:

1) отсутствует перечень ошибок, в связи с чем не всегда эксперту понятно, допустил ли человек ошибку, или нет;

2) приведен перечень тем, в которых с наибольшей частотой встречаются коммуникативно-значимые и коммуникативно-незначимые ошибки, однако одна и та же тема может содержать и те, и другие ошибки;

3) не всегда есть объективная возможность отличить коммуникативно-значимую ошибку от коммуникативно-незначимой;

4) отсутствует понимание условий, в которых осуществляется речь говорящего, не учитывается, например, задержка между языками;

5) существует опора на контекст, который тоже не всегда дает точное понимание ситуации.

Однако ученые приходят к выводу, что «основной целью тестирования по русскому языку как иностранному является надежное измерение уровня подготовленности учащихся в аспектах языка и видах речевой деятельности. Результаты тестирования позволяют увидеть индивиду свои сильные и слабые стороны в изучении языка и являются своего рода движущей силой в преодолении основных трудностей в овладении языком» [17, с. 40].

Коммуникативный аспект, положенный в основу общепринятой классификации лингводидактических ошибок, породил также появление понятия «коммуникативная компетенция», введение которого в научный оборот было обеспечено Д. Хаймзом, утверждавшим, что «лингвистическая теория должна расширить понятие компетенции за пределы грамматического знания» [18, с. 93]. Он определял коммуникативную компетенцию как совокупность психологических, культурных знаний и общественных правил, которые управляют употреблением слова в рамках определенных социальных ситуаций общения. Согласно Д. Хаймзу, язык в некоторой степени является отражением культуры народа, а видение мира определенной группой людей

обуславливается свойственной им культурой. Он провозглашает неделимость функционирования языка и культурных и общественных явлений, утверждая тем самым тесное взаимодействие лингвистических и нелингвистических факторов в процессе коммуникации.

Однако, на наш взгляд, даже этого оказывается мало для того, чтобы говорить о том, что иностранец владеет русским языком. Особое внимание следует обратить на то, что «успешность коммуникации зависит от степени совпадения концептуальной и языковой картин мира участников общения и регламентируется знаниями о мире – декларативными знаниями (*savoir*)» [19, с. 98]. Это значит, что, помимо всех прочих условий, обучающийся должен следовать логике выражения языковой картины мира, «зашифрованной» в изучаемом языке.

Все указанные нами проблемы, имеющие место в методике оценивания устной и письменной речи говорящих на неродном языке, ставят вопрос о переработке существующей общепринятой классификации, ее дополнению и пересмотру. Дополненная классификация должна содержать в своей основе, на наш взгляд, как коммуникативный, так и когнитивный аспекты.

1. Понятие абсолютных и относительных ошибок

Следует признать, что в речи носителей русского языка как неродного существуют такие ошибки, которые, на первый взгляд, можно отнести к коммуникативным, однако они имеют несколько иные основания – когнитивные. Совмещение и нераздельное единство коммуникативного и когнитивного аспектов связано с реализацией процессов языковой интериоризации и языковой экстериоризации, изучением которых мы в настоящее время занимаемся [20, 21].

Любые когнитивные процессы связаны с общими принципами мышления, такими, как логическое, критическое и аналогическое мышление. Получить более полное представление об этих типах мышления можно, обратившись к другим наукам, занимающимся исследованием мышления или реализующим когнитивные основания.

Обращение к данным других наук позволяет нам по-другому взглянуть на природу допускаемых ошибок в речи носителей русского языка как неродного.

Математические термины, безусловно, используются другими науками, в более точной форме пытающимися объяснить те или иные процессы и явления. На наш взгляд, использо-

вание математических терминов в применении к лингвистическим исследованиям способствует более полному пониманию ошибок, возникающих в речи носителей русского языка как неродного.

Так, в математике существует разделение ошибок на абсолютные и относительные. Абсолютной ошибкой или абсолютной погрешностью в математике является разность между приближенным числом и его точным значением. С этим термином соотносится термин «абсолютная погрешность», под которым понимается «разность между номинальным значением меры и истинным (действительным) значением воспроизводимой ею величины», при этом «абсолютная погрешность измерительного прибора представляется разностью между показанием прибора и истинным (действительным) значением измеряемой величины» [22, с. 104].

Этот термин успешно используется в других областях знаний. Например, под абсолютной ошибкой в экономике понимается «абсолютная величина расхождения (разности) между величиной признака (показателя), установленной на основе статистического наблюдения, и действительной его величиной» [23], а также «величина расхождения между величиной параметра, определенного на основе выборочного статистического наблюдения, и его действительной величиной» [24], в психологии – «абсолютное значение (т. е. безотносительно к знаку) различия между наблюдаемым значением и истинным значением измерения» [25], в спорте – «matas, rodantis skirtingumą tarp išmatuotos reikšmės ir matuojamojo dydžio tikrosios reikšmės. Absoliučioji paklaida nustatoma pagal vieno arba kelių bandymų rezultatų vidurkį» [26]. Абсолютная ошибка – измеряемая величина, она обозначается в единицах измерения, а это значит, что она размерна, т. е. имеет размерность.

Относительная ошибка в математике квалифицируется как отношение абсолютной погрешности приближенного числа к самому этому числу. Относительную погрешность обозначают процентами, потому что это безразмерная величина. В экономике это «сумма допустимых относительных погрешностей составляющих баланса» [27]. Особенно актуален этот термин в динамических моделях экономики.

Таким образом, мы видим, что использование терминов «абсолютная» и «относительная» ошибка (погрешность) успешно при описании динамических моделей, каковой, безусловно, является и язык.

Если перенести математическую терминологию в область лингвистики и, в частности в об-

ласть методики оценивания ошибок, возникающих в речи людей, говорящих на неродном языке (как в рамках методики обучения, так и в рамках лингводидактического тестирования), то под номинальным значением меры следует понимать речевое выражение, а под истинным, или действительным, значением воспроизводимой ею величины – возможности, традиции и потенциал языка.

Таким образом, мы предлагаем среди ошибок, допускаемых в речи носителей русского языка как неродного, выделять *абсолютные ошибки* и *относительные ошибки*.

2. Абсолютные ошибки

К абсолютным ошибкам в нашем понимании следует относить:

1) системные ошибки, связанные с некорректным использованием языковых единиц как единиц системы языка:

– фонетические: *можно быть некультурным* вместо *модно быть некультурным*;

– лексические: *истинные документы* вместо *подлинные документы* или *подлинные намерения* вместо *истинные намерения*;

– грамматические: *я буду платить с картой* вместо *я буду платить картой* или *я буду мою посуду* вместо *я буду мыть посуду*.

2) коммуникативные, лингвокультурологические, а также ошибки, связанные с некорректным использованием стилистических средств языка: *я ничо не делал* или *здрасьте*.

Среди абсолютных ошибок можно выделить:

– коммуникативно-значимые: *я имею правый* вместо *я имею право*;

– коммуникативно-незначимые: *я мою посуду* вместо *я мою посуду*.

Таким образом, все ошибки, выделяемые в современной системе оценивания, являются абсолютными, т. е. характеризуют ситуацию только с одной стороны.

Абсолютные ошибки имеют формальный характер, они видимы. Проблемой в данном случае является выявление границ коммуникативной значимости и коммуникативной незначимости – той или иной ошибки, допущенной носителем русского языка как неродного.

Следует, однако, отметить, что в живом повседневном общении абсолютная ошибка может вообще не восприниматься как ошибка, если говорящим на русском языке как на родном была усвоена неверная форма, например: *мой дедушка был прекрасный человек* вместо *мой дедушка был прекрасным человеком*. Или *до сколько вы работаете?* вместо *до скольких вы*

работаете? В этом случае остается определить, следует ли считать ошибку ошибкой, если иностранец повторяет за носителями языка ошибочные формы, распространенные в речи носителей русского языка как родного.

3. Относительные ошибки

К относительным ошибкам следует относить ошибки, являющиеся таковыми только относительно какой-либо конкретной ситуации. Безразмерность ошибки в данном случае может выступать как степень отдаленности того, что было сказано автором, от того, что им было задумано.

Относительную ошибку составляет ситуация, когда речь говорящего на неродном языке в полной степени соответствует всем языковым нормам, т. е. не имеет ни фонетических, ни лексико-грамматических, ни лексико-семантических, ни каких-либо иных ошибок, однако она оказывается в смысловом плане несколько или достаточно далека от того, что было задумано автором речи. В этой ситуации коммуниканты считают, что коммуникация состоялась, однако при этом существует расхождение между тем, что было задумано носителем русского языка как неродного, тем, что им было сказано, и тем, как его речь была воспринята носителем русского языка как родного.

Во многом относительные ошибки выносятся обучающимися из учебных программ, по которым обучаются иностранцы, поскольку некоторый лексико-грамматический материал осваивается ими не в конструктивной, а в мнемонической форме: студенту не дается объяснение, почему конструкция, имеющая место в русском языке, функционирует именно таким образом, ему просто предлагается заучить и запомнить некоторые конструкции в готовой форме. В этом случае обучающиеся используют эти конструкции, повторяя их из раза в раз, в возможных для этих конструкций условиях и в невозможных. Например, в диалоге, представленном ниже, прослеживается смысловое нарушение, которое базируется на некорректном употреблении конструкции *у меня*, заданной в большинстве учебниках без объяснения:

- *Как ты себя чувствуешь?*
- *У меня все хорошо.*

Относительные ошибки так же, как и абсолютные, могут иметь типовой характер. Зачастую они возникают в плоскости несоответствия русского языка другим языкам и характеризуют ту его часть, которая выражает его особенность и уникальность.

К признакам относительных ошибок необходимо отнести:

- полное соответствие речевого выражения нормам, требованиям и традициям языка;
- адекватное и актуальное соотнесение с ситуацией речи;
- абсолютное восприятие речи носителем русского языка как родного;
- убежденность носителя русского языка как неродного в правильности собственной речи;
- ощущение носителем русского языка как неродного того, что его речь первоначально понята собеседником правильно;
- возможность полной взаимозаменяемости контекстов;
- смысловое несоответствие ситуации;
- нарушение коммуникативного акта, сопровождающееся недопониманием ситуации, ее уточнением и пр.

Приведем некоторые виды и примеры относительных ошибок.

3.1. Выражение постоянного и относительного признака. Сложной темой для осваивающих русский язык как иностранный является тема соотношения и употребления в речи полных и кратких форм прилагательных, семантическое расхождение между которыми проявляется в том, что полные формы прилагательных имеют значение постоянного, устойчивого и безотносительного, т. е. абсолютного признака, а краткие формы – непостоянного, временного и относительного, т. е. неабсолютного. В связи с этим носитель русского языка как родного воспринимает одно и то же прилагательное, употребленное в разных формах, в соответствии с речевой ситуацией – либо как продолжительный признак, характерный для предмета, процесса или явления в устойчивой и постоянной форме (*да он вообще нетерпеливый сам по себе*), либо как одномоментный признак, характеризующий предмет, процесс или явление временно (*что-то ты так нетерпелив сегодня*).

Заявленная категория является достаточно важной для картины мира носителей русского языка как родного, однако она не всегда имеет однозначное и точное выражение. В некоторых случаях она размыта, а контексты, в которых употребляются взаимозаменяемые полные и краткие формы прилагательных, склонны к практически точному совпадению, например, *у нее длинные волосы* и *волос долог, ум короток*.

«*Я такой счастливый*» и «*Я так счастлив*», – абсолютно правильные высказывания с точки зрения языкового выражения. Оба высказывания не содержат языковых ошибок, поскольку полностью соответствуют системе и традициям

русского языка, а также в безошибочной форме выражают его возможности. Однако первое высказывание говорит о том, что счастье сопутствует говорящему всю его жизнь, а второе, что это чувство характерно только в данный для говорения момент.

Безусловно, контекст помогает выявить степень ошибочности высказывания, например, высказывание: *«Я такой счастливый, что не опоздал на встречу с вами»*, – переходит из ряда относительных ошибок в абсолютные, поскольку в нем нарушается цельность семантической действительности.

Особенностью относительных ошибок является еще и то, что формы слов используются в абсолютно одинаковом языковом окружении. К подобного типа ошибкам мы не можем отнести употребление слов, требующее принципиально разных контекстов типа: *счастливый игрок* и *игрок счастлив*. Смысловая разница между этими высказываниями прозрачна, и для них нет взаимозаменяемых конструкций. Взаимозаменяемость конструкций здесь может быть условной: *такой счастливый игрок* и *игрок так счастлив*.

Безусловно, подобная ошибка чаще всего носит характеристику относительности вне контекста или в сжатом контексте, когда объем сказанного не позволяет оценить размер допущенной ошибки. Однако в продолжительном и объемном контексте ошибка выявляется, но с определенной задержкой, поскольку человеку, воспринимающему речь, необходимо время, чтобы понять и убедиться в том, что исходная информация была сказана его собеседником в неверных логической и смысловой формах.

Однако даже контекст не всегда помогает выявить ошибочность употребления формы прилагательного.

Разберем и сравним следующие контексты:

– *Почему ты так улыбаешься?*

– *Я такой счастливый!*

– *Почему?*

– *Я сегодня нашел на улице деньги.*

и

– *Почему ты так улыбаешься?*

– *Я так счастлив!*

– *Почему?*

– *Я сегодня нашел на улице деньги.*

Первый контекст воспринимается носителем русского языка со знаком устойчивости и постоянности: человек по жизни счастливчик, ему всегда везет, он нашел деньги и, может быть, уже не в первый раз в его жизни происходит что-то подобное; или абсолютности и продолжительности: деньги, найденные человеком,

могут повлиять на его жизнь, они очень важны для его дальнейших действий и для того, что произойдет с ним в будущем. Это выражение мысли является своего рода доказательством для человека своей везучести по жизни.

Второй контекст дает понять, что эмоции человека временны, они носят ярко выраженный, но не всеобъемлющий характер; деньги, найденные человеком, помогут ему решить проблему, актуальную для него в настоящее время, ко всей жизни человека эта ситуация отношения не имеет, поскольку при временном ощущении счастья по жизни он может чувствовать себя далеко не счастливым.

Следует сказать еще и о том, что задержка в выявлении допущенной смысловой неточности может быть вызвана контекстами, в которых устойчивость и временность признака, его абсолютность и относительность размываются: *действительно, эта девушка очень красивая* и *действительно, эта девушка очень красива*. Безусловно, человек, говорящий на русском языке как на родном, почувствует некоторую разницу, но эта разница настолько мала, что сводит зазор между смысловым расхождением между этими высказываниями к чисто формальному пониманию краткости и долготы признака, но не к его активному восприятию.

3.2. Выражение категории завершенности и продолжительности действия. Еще одним примером относительных ошибок можно считать расхождение в реализации совершенного и несовершенного вида в целом и, безусловно, в глагольной паре *мочь – смочь* в частности. Категория совершенности – несовершенности глагольного действия является одной из самых сложных и плохо усваиваемых обучающимися.

Сравним диалоги:

– *Какие планы на выходные?*

– *Я переведу тот большой текст, который нам задали.*

и

– *Какие планы на выходные?*

– *Я буду переводить тот большой текст, который нам задали.*

В первом диалоге актуализируется результативность действия: план на выходные – начать и завершить работу над переводом текста. Во втором диалоге акцент ставится не на действии, а на времени выполнения действия: все выходные я буду занят переводом текста (при этом в контексте ничего не сказано о том, планирует ли человек завершить перевод за выходные).

Еще пример: *я хочу пить* и *я хочу попить*. В первом случае русскоязычный человек даст

полный стакан воды, во втором – неполный, потому что в его восприятии отложилось, что человек просит немного воды (посредством приставки *no-* выражается значение неполноты и неинтенсивности действия).

В английском языке, если рассматривать его как язык-посредник, также есть формы, выражающие законченное и совершенное действие: *perfect past, perfect present* и *perfect future*, однако они имеют некоторое различие с перфектными формами в русском языке. Во многих других языках, например, в арабском, таких форм нет вообще. Сложность глагольной пары *мочь – смочь* связана как раз с невозможностью адекватного ее перевода на английский язык.

Так, одному русскому слову *мочь* соответствуют два английских слова – *can* и *may*. Парадигма русского глагола представлена четырьмя формами прошедшего времени совершенного вида – *смог, смогла, смогли* и *смогли*, и столькими же формами несовершенного вида – *мог, могла, могли*; шестью формами несовершенного вида настоящего времени – *могу, можешь, может, можете, могут*; шестью формами будущего времени совершенного вида – *смогу, сможешь, сможет, сможем, сможете, смогут*. Глагол *мочь* является глаголом с неполной или недостаточной парадигмой: у него отсутствуют формы будущего времени несовершенного вида. В английском языке этот глагол в будущем времени не представлен совсем (есть только формы настоящего времени *can* и *may* и формы прошедшего времени *could* и *might*). Однако это не значит, что значение рассматриваемой модальности не выражено в будущем времени. Оно выражено, но посредством конструкции *to be able to*, которая имеет несколько иное семантическое наполнение (*суметь*) и характеризуется полной парадигмой: *was / were able to, am / is / are able to, will be able to*. Эта конструкция дополнена сознанием преодоления чего-либо для выполнения действия. Получается, что формы *could, might* и *was / were able to* в прошедшем времени имеют разное семантическое наполнение. Именно поэтому словари вместо двух русских конструкций *я могу* и *я смогу* дают один английский вариант: *I can*. Это принципиально неприемлемо для русского языка: *я могу* выражает общее значение глагола (это возможно), *я смогу* выражает более узкое и ситуативное значение конкретного действия. Разница между общей и частной конструкциями выражается в том, в чем, в общем-то, выражается общая разница между совершенным и несовершенным действием: *я могу помочь те-*

бе, но, возможно, не буду этого делать и я смогу помочь тебе, и я сделаю это. Следовательно, разными конструкциями вызовут у носителя русского языка разную реакцию, вероятно, не ту, которую ожидает иностранец.

Сравним диалоги:

– *Мне нужна твоя помощь. Что скажешь?*

– *Я могу помочь тебе.*

и

– *Мне нужна твоя помощь. Что скажешь?*

– *Я смогу помочь тебе.*

В первом случае у русскоговорящего человека не появляется ощущения полного удовлетворения от ответа, поскольку ответ дан в общей форме. Второй диалог, напротив, демонстрирует однозначность положительного ответа.

С точки зрения языкового выражения оба высказывания являются абсолютно верными, что, безусловно, создает ложное понимание у обучающегося того, что, как ни скажи, все будет правильно. Однако правильным подобное употребление будет без учета смысловой нагрузки ситуации.

3.3. Выражение категорий принадлежности и существования. Еще одной проблемной зоной для иностранцев, изучающих русский язык, является употребление глагола *быть* в настоящем времени. В методике преподавания русского языка глагол *быть* квалифицируется как вспомогательный. Однако таковым он является в других языках, а в русском языке его следует относить к экзистенциальным глаголам, потому что он не просто осуществляет грамматическую поддержку в высказывании, обращая речь в прошлое, настоящее или будущее время, что, например, происходит в высказываниях: *I am glad, I was glad, I will be glad* и *я рад, я был рад, я буду рад*, но и существенно меняет смысловую характеристику русского предложения. Отсутствие глагола *быть* в настоящем времени или его наличие в нем носит моментальный и категоричный характер. В высказывании: «*Сегодня солнце*», – любой носитель русского языка поймет, что речь идет о процессе, который происходит прямо сейчас. Высказывание: «*Сегодня есть солнце*», – ошибочно, и ошибка имеет абсолютный характер (она видна, но при этом не влияет на понимание ситуации). Однако если мы говорим о постоянности действия, глагол *есть* следует употреблять: *у Земли есть спутник*. Таким образом, глагол *быть* в настоящем времени говорит о наличии и существовании чего-либо в целом (в будущем и прошедшем времени он выполняет исключительно вспомогательные функции и, следовательно, должен

употребляться всегда: *у меня депрессия*, но в прошедшем времени *у меня была депрессия*, в будущем – *у меня будет депрессия*).

Сравним диалоги:

– *Что у вас?*

– *У меня температура.*

и

– *Что с вами?*

– *Мне кажется, я заболел.*

– *Температура есть?*

– *Да, есть, но невысокая.*

Оба диалога обращены в настоящее, однако первый диалог выражает значение посессивности, а второй – экзистенции, при этом обе конструкции на английский язык будут перенесены в унифицированной форме одного высказывания: “*I have a temperature*”.

В большинстве случаев употребление или неупотребление в речи носителями русского языка как неродного глагола *быть* в настоящем времени носит неосмысленный и случайный характер, поскольку у обучающихся не формируется понимания значения этого глагола. Языки, требующие наличия в высказывании каким-то образом представленной глагольной формы, оказывают влияние на употребление обучающимися глагола *быть* в русском языке, именно поэтому обучающиеся стараются постоянно использовать глагол *быть* в настоящем времени – по привычке и по инерции.

Очень часто контексты с глаголом *быть* и без него не могут носить взаимозаменяемый характер. Например, высказывание: «*У меня есть машина*», – выражает значение принадлежности, и употребление глагола *быть* в данном случае необходимо. Высказывание: «*У меня машина*», – ошибочно, эта ошибка видна, следовательно, она носит абсолютный характер. Нам требуется продолжение, потому что данная конструкция предполагает действие субъекта высказывания: «*У меня машина не заводится*», – в таком варианте высказывание будет верным.

Однако отсутствие понимания того, когда слово *есть* следует употреблять в речи, а когда нет, может также вызывать относительные ошибки. Сравним, например, высказывания: «*У меня есть проблема*» и «*У меня проблема*». Обучающемуся разница не видна, поскольку он смотрит на употребление глагола *быть* через призму тех языков, в которых этот глагол носит исключительно вспомогательный характер. Однако для русскоязычного человека эти высказывания различны, поскольку они по-разному характеризуют ситуацию, о которой говорит ему собеседник. Высказывание: «*У меня проблема*», –

выражает внешний характер процесса или явления: на появление у человека проблемы повлияли внешние факторы; ситуация одномоментна, и в ее формировании говорящий не принимал никакого участия. В то время как высказывание: «*У меня есть проблема*», – связана с внутренней инициированностью говорящим о проблемной ситуации: проблема может быть не объективной, а кажущейся; проблема может носить не негативный, а конкретно проблемный характер, когда надо лишь принять то или иное решение.

Аналогичная ситуация возникает при использовании высказываний: «*У меня есть брат*» и «*У меня брат*». В первом высказывании говорящий говорит о том, что, собственно, у него есть брат – это действительно буквальное значение конструкции, во втором, что он сейчас находится вместе со своим братом, который пришел к нему и находится на его домашней, рабочей или иной территории. Рассмотренная ситуация является не просто прозрачной для носителя русского языка как родного, но и неизбежной в выражении некоторых мыслей и идей, но для иностранцев, осваивающих русский язык, глагол *есть* очень часто не носит такой серьезной смысловой нагрузки в силу отсутствия понимания его роли в языковой системе.

Могут быть и контексты, нейтрализующие эту разницу: «*У меня есть идея*» и «*У меня идея*». Подобные конструкции сбивают обучающегося с толку, повышая риск допущения им ошибки в употреблении глагола *быть* в настоящем времени.

То, что для иностранца имеет неясную форму, для русскоязычного человека оказывается предельно ясным и понятным. Ситуация считается носителем русского языка интуитивно и по инерции, у него не возникает необходимости думать, почему иностранец употребил в речи ту или иную конструкцию: он воспринимает речь собеседника в той форме, в которой она была выражена, а не в той, в которой она была задумана. Именно это и приводит к появлению относительных ошибок в результате возникновения диссонанса между задуманным, выраженным и воспринятым в акте коммуникации.

Как и в предыдущих ситуациях, понимание ошибочности высказывания может появиться у говорящих в продолжении речевого взаимодействия, и, если появится понимание того, что смысловая ошибка была допущена, оно появится с задержкой.

3.4. Выражение категории принадлежности.

Наличие в русском языке специфической формы выражения принадлежности и притяжательности посредством употребления при объекте обладания предлога *у* (с глаголом или без глагола *быть* в настоящем времени) вызывает много проблем в понимании и осмыслении обучающимися языкового материала. Как следствие, зачастую происходит отторжение или просто игнорирование этой конструкции в пользу привычных обучающимся конструкций, принятых ими в родном языке. Это порождает разноплановые ошибки.

Сложность получения однозначности конструкций связана, прежде всего, в данном случае с многозначностью предлога *у*, который употребляется в пяти значениях, в каждом из которых в большей или меньшей степени проявляется значение притяжательности, принадлежности, обладания. Предлог *у* имеет следующие значения, закрепленные в словаре:

– указывает на непосредственную близость от кого-, чего-либо: *стоять у стены*;

– обозначает орудие чьей-либо деятельности или место, где происходит чья-либо деятельность: *работать у станка*;

– указывает на владельца, обладателя чего-, кого-либо или носителя каких-нибудь качеств, свойств, состояний: *единственный сын у родителей, ты у меня одна*;

– указывает на лица или объекты, в среде которых или в пределах деятельности, обладания, понимания и т. п. которых что-либо происходит, имеется, с кем (чем) связаны действия, деятельность кого-, чего-либо: *живем у родителей, встретимся у друзей*;

– указывает на источник получения, приобретения чего-либо: *взял книгу у товарища*.

Во всех случаях употребления предлога *у* могут возникать относительные ошибки.

1. Отсутствие разницы в выражении обладания и совместности действия мы можем наблюдать в высказываниях: «Он ночевал с той женщиной» и «Он ночевал у той женщины» или «Она провела ночь с другом» и «Она провела ночь у друга». В первом случае речь идет о личной сфере отношений, характеризующихся особой близостью, а также о совместности действий, осуществляемых субъектом и объектом действия, что считается русскоязычным человеком моментально. Во втором случае выражается значение обладания объектом действия местом, где субъект действия провел некоторое время, при этом значение совместного действия здесь не выражено. В данном случае предлог

у употреблен в значении указания на лица или объекты, в среде которых или в пределах деятельности, обладания, понимания и т. п. которых что-либо происходит, имеется, с кем (чем) связаны действия, деятельность кого-, чего-либо.

Некоторая нейтрализация значений предлогов *у* и *с* происходит в контекстах: «Он с другом» и «Он у друга», но и это не имеет абсолютного характера совпадения, поскольку особенно актуальным становится выражение местоположения субъекта и объекта действия, однако в высказывании: «Он с другом», – уже исключительно значение отношений близости.

С этой точки зрения высказывания: «Они живут у родителей» и «Они живут с родителями», – могут восприниматься как синонимичные, но с некоторой разницей. Высказывание: «Они живут у родителей» означает, что они живут на жилплощади родителей которая им не принадлежит (жилплощадь принадлежит родителям, поэтому родители в данном случае выступают как главные), в то время как высказывание: «Они живут с родителями» означает, что все участники ситуации разделяют принадлежащую им жилплощадь (все выступают на равных правах, а если нет, то по ситуации отнюдь непонятно, кто занимает главные позиции).

2. В следующих двух высказываниях выражены значение местоположения и значение обладания: «Около университета есть бассейн» и «У университета есть бассейн». Предлог *около* имеет значение: *нахождение в непосредственной близости* и употребляется и нерусскоязычными, и русскоязычными людьми с высокой точностью. Однако этого нельзя сказать о предлоге *у*, который в данном случае выступает не в значении *указания на непосредственную близость от кого-, чего-либо*, как может подумать носитель русского языка как неродного. В этом случае выражено значение *указания на владельца, обладателя чего-, кого-либо или носителя каких-нибудь качеств, свойств, состояний*.

В первом высказывании речь идет исключительно о местоположении бассейна, который находится рядом со зданием университета, при этом в высказывании нет информации о том, принадлежит бассейн университету или нет. Во втором высказывании речь идет о том, что бассейн, который, кстати, непонятно, где находится, потому что непосредственных указаний на это нет, принадлежит университету. Если бы речь шла о расстоянии, то верным было бы высказывание: «Бассейн у университета».

Речевая практика в данном случае показывает, что иностранцы в большей степени склонны воспринимать предлог *у* с локальным значением, а русскоговорящие люди – со значением принадлежности.

3. Однако есть некоторые ситуации, когда предлог *у* предпочтительнее предлога *около*: *мы у самого берега* (конструкция *мы около самого берега* будет предпочтительнее с глаголом: *мы около самого берега развели костер*). С последним примером связано возникновение еще одной относительной ошибки, вызванной употреблением предлога *у* в значении *обозначение орудия чьей-либо деятельности или места, где протекает чья-либо деятельность*. В этом случае значения предлогов *у* и *около* расходятся, хотя и могут быть употреблены в одном и том же окружении: *она работает у станка* и *она работает около станка*. В первом случае она выполняет работу на станке, во втором – она выполняет работу, находясь в непосредственной близости от станка, но ее работа со станком не связана. Носитель русского языка как родного воспримет высказывание в такой форме, в какой оно было выражено, без выяснения актуальности или неактуальности получаемой информации.

4. Еще один вариант относительной ошибки возникает при использовании предложной и беспредложной конструкций, выражающих значение *обладания, принадлежности*. В высказываниях: *«Книга друга»* и *«Книга у друга»* представлены две совершенно разные ситуации, абсолютно верные с точки зрения языкового выражения: и в том, и в другом случае высказывания выражают значение принадлежности, хотя и в разной смысловой форме. В первом случае книга принадлежит другу, во втором – книга, принадлежащая кому-то, находится сейчас в распоряжении друга. Похожая ситуация возникает при восприятии высказываний: *«Я взял книгу друга»* и *«Взял книгу у друга»*: в первом высказывании речь идет о том, что говорящий взял книгу, принадлежащую другу, во втором – что он пользуется книгой, которая раньше принадлежала или до сих пор принадлежит другу.

Некоторая нейтрализация происходит в контекстах: *«Я хочу купить машину у друга»* и *«Я хочу купить машину друга»*, однако это совпадение не носит абсолютный характер, потому что в данном случае у высказываний есть общий компонент – говорящему будет принадлежать машина друга, и различные компоненты: в первом высказывании говорящий будет пла-

тить деньги непосредственно другу, во втором случае, возможно, другому лицу.

3.5. Выражение значений модальности. Особую сложность в русском языке представляют модальные слова и глаголы. В некоторых случаях русский язык не дает точных семантических расхождений. Так, например, слова *надо* и *нужно*, которые используются в значении *следует, необходимо*. В данном случае проблема возникает из-за того, что оба эти слова могут выражать разную степень необходимости, которая проявлена, например, в английских словах *need* и *must*. Если следовать логике русского языка, то можно сформировать две конструкции с совершенно разной семантической наполненностью: *«Мне надо работу»*, в английском языке это соответствует высказыванию: *“I need a job”*, и *«Мне надо работать»*, которое можно перевести двумя конструкциями: *“I need to work”* и *“I must work”*.

По всей видимости, есть некоторое расхождение в семантической наполненности слов *надо* и *нужно*, которое русскими людьми воспринимается в достаточно слабой форме. *Надо* тяготеет к *must* и поэтому для точности заменяется на *необходимо*: *мне надо работать* и *мне необходимо работать*. *Нужно* тяготеет к *need* и чаще всего заменяется на *требуется*: *мне требуется работа* и *мне требуется работать* (с семантико-стилистическими ограничениями). Расхождение в кодировании информации носителем русского языка как неродного и ее декодировании носителем русского языка как родного может быть очень сильным. Прояснение ситуации, как правило, как и во всех иных случаях, наступает в ходе уточнения и детализации ситуации, например:

– *Привет! Ты чего такой грустный? Что-то случилось?*

– *Да нет, ничего серьезного, просто мне надо работать.*

– *Хорошо, тогда я не буду тебя отвлекать.*

– *Нет, все нормально. Я хочу у тебя спросить. Ты не знаешь, где я могу найти работу?*

– *Зачем тебе? У тебя же уже есть работа.*

– *Нет, у меня нет работы.*

– *Но ты же сказал, что тебе надо работать.*

– *Да, надо.*

– *А как ты будешь это делать, если у тебя нет работы.*

– *Вот я и ищу работу.*

– *А сейчас ты чем занимаешься?*

– *Ничем.*

Из этого диалога мы видим, насколько бессмысленным становится акт коммуникации при том, что коммуникантами не было допущено ни одной языковой (коммуникативно-значимой или коммуникативно-незначимой) ошибки. Участники коммуникации по ходу ведения диалога начинают менять свои коммуникативные позиции: носитель русского языка как неродного начинает использовать тактику убеждения, а носитель русского языка как родного – тактику уточнения ситуации, в результате чего мы наглядно видим, что возникает ситуация недопонимания, в которой иностранец не видит ошибочности своих языковых действий.

3.6. Выражение полноты и неполноты действия. Полнота действия может быть выражена по-разному, например за счет приставки *при-* (*лечь – прилечь*), видовых пар глаголов (*гулять – погулять, читать – почитать*), но иногда она выражается посредством предлогов *о* и *про*. Предлог *о* употребляется при обозначении лица, предмета, явления, которые представляют собой объект разговоров, размышлений, забот, предлог *про* – в значении *о ком-, чем-либо, относительно, насчет кого-, чего-либо*. Оба они употребляются с речемыслительными глаголами, выражающими ментальное действие: *думать, читать, говорить, рассказывать* и пр. Разница в их семантическом наполнении небольшая, но человек, говорящий на русском языке как на родном, воспринимает ее интуитивно и на основании того языкового опыта, который усвоен им в процессе многолетней массовой коммуникации с русскоязычными людьми в русскоязычном обществе. Выражения: «*Расскажи мне о себе*» и «*Расскажи мне про себя*», – на первый взгляд, имеют синонимичные значения, и это действительно так, однако разница между ними заключается не только в различном грамматическом выражении, но и в выражении категории степени наполненности действия. Высказывание: «*Расскажи мне о себе*», – подразумевает запрос общей информации, не требующей развертывания глубоких причинно-следственных отношений: это запрос информации, связанной, скорее, с взаимодействием человека с внешним миром, – возраст, социальный статус, место учебы или работы, хобби и пр. В то время, как высказывание: «*Расскажи мне про себя*», – требует более детального ответа, обращение к внутреннему миру собеседника, к раскрытию его чувств и эмоций – интерес к его личной жизни, его восприятию мира и того, что в нем происходит. Если этот вопрос связан с работой, то связь эта не чисто номинальная, поскольку спраши-

вающего интересует не место работы, а непосредственно отношение отвечающего к работе, степень его удовлетворенности работой и пр.

В данном случае мы также сталкиваемся с возможностью появления относительной ошибки, поскольку степень глубины ответа русскоговорящего человека будет зависеть от структуры вопроса, заданного иностранцем. Безусловно, ошибочность запрашиваемой информации в данном случае увидеть можно далеко не всегда, однако контекст общения может привести к выявлению того, что коммуникация имеет некачественный характер и сопровождается недопониманием, недоумением, переспрашиванием и уточнением. Все это приводит к взаимной неудовлетворенности носителя русского языка как иностранного и носителя русского языка как родного, возникающей от их общения.

3.7. Выражение совместности действия. Еще одной категорией, приводящей к возникновению относительных ошибок в речи носителей русского языка как неродного, является категория совместности действия, которая чаще всего передается с помощью предлога *с*. В большинстве случаев у обучающихся не возникает проблем с употреблением этого предлога в речи, однако в русском языке существует очень распространенная конструкция, расходящаяся в грамматическом выражении с аналогичными конструкциями в других языках. Сравним высказывания: «*Мы с сестрой гуляем в парке*» и «*Я с сестрой гуляю в парке*». Однозначность понимания русскоязычным человеком семантико-смыслового наполнения этих высказываний очевидна: в первом случае выражено совместное действие, когда оба участника ситуации выступают на равных правах, а во второй – действие подчинения объекта действия субъекту действия. Более точно семантика подобных высказываний раскрывается в следующих примерах: «*Я с собакой гуляю в парке*» и «*Мы с собакой гуляем в парке*», второе из которых будет иметь абсолютный характер ошибочности.

В результате появления относительных ошибок, допущенных в речи носителей русского языка как неродного, происходит не явный, как в случае с абсолютными ошибками, а скрытый коммуникативный сбой, требующий уточнения ситуации и выявления степени расхождения между задуманным и сказанным.

Безусловно, это далеко не весь спектр ошибок, имеющих характер относительности. В данном исследовании виды относительных ошибок были выявлены и показаны нами в об-

щем виде, их исследование требует дальнейшей детализации и проработки, однако уже на данном этапе проработки языкового материала можно сказать, что каждая из относительных ошибок так или иначе связана с особенностями мышления русских людей и принципов выражения ими картины мира, заложенной в языке.

Относительные ошибки могут быть случайными, однако чаще всего они являются системными, повторяются из опыта в опыт и имеют одно и то же значение. Случайные ошибки берут свое происхождение из множества одновременно действующих источников помех. Их непредсказуемость, таким образом, сводится к минимуму.

Системные ошибки вызваны:

- разницей между родным и изучаемым языками;
- слабой проработкой опасных моментов в учебной программе;
- отсутствием в учебной программе материала, показывающего разницу между смежными конструкциями;
- акцентом на выявление коммуникативного сбоя в явной форме;
- упором на оценку коммуникации без учета когнитивного аспекта, составляющего основу языковой интериоризации.

Следует сказать, что при внешней «невидимости» относительных ошибок все они приводят к коммуникативному сопротивлению, возникающему в процессе коммуникативного взаимодействия носителей русского языка как родного и как неродного, что, в свою очередь, может вылиться в коммуникативную неудачу, в коммуникативный сбой или в затруднение коммуникации. Вероятно, относительные ошибки следует расценивать как коммуникативно-значимые только при условии того, что они были выявлены коммуникантами в процессе коммуникации.

Результаты

Итак, проведенное исследование показало, что к абсолютным ошибкам следует относить такие ошибки, которые видны и которые влияют (коммуникативно-значимые) или не влияют (коммуникативно-незначимые) на понимание ситуации, к относительным ошибкам следует относить такие ошибки, которые не видны, но которые могут проявляться в условиях расширения коммуникативного акта и которые влияют на понимание ситуации.

Особенностью и абсолютных, и относительных ошибок является то, что они не в полной

степени связаны с коммуникативной значимостью в общепринятой теории ошибок, а в основу их разграничения положен не только коммуникативный, но и когнитивный аспект.

Абсолютная ошибка может быть коммуникативно-значимой, когда нарушен смысл высказывания до такой степени, что человеку, воспринимающему речь, становятся совершенно непонятны интенции собеседника, например: «Я хорошо». Абсолютная ошибка может быть коммуникативно-незначимой, хотя носителями языка она однозначно воспринимается как ошибка: «Я *хотеть* отдыхаю сегодня» вместо «Я *хочу* отдохнуть сегодня».

В случае с относительными ошибками коммуникативность принимает значение смыслообразования. То же самое касается и относительных ошибок. Разница заключается в том, что относительная ошибка выявляется с задержкой, она приводит к недопониманию коммуникации, т. е. возникает такая ситуация, когда формально коммуникация состоялась, но факт коммуникации носит нечистый, неточный или ошибочный характер.

Подобное разделение ошибок на абсолютные и относительные имеет практический характер, именно поэтому необходимо определить и привести если не перечень возможных ошибок, то хотя бы перечень тем, в реализации которых относительные ошибки носят систематический характер.

Выявление абсолютных и относительных ошибок в наибольшей степени становится актуальным в процессе живой коммуникации, а также в процессе освоения иностранцем русского языка как иностранного, в то время как разграничение коммуникативно-значимых и коммуникативно-незначимых ошибок осуществляется в процессе обучения и в ситуации оценивания речи говорящего на неродном языке в процессе лингводидактического тестирования, т. е. в условиях узкозаданных и узконаправленных. Следовательно, можно увидеть, что между ситуацией обучения неродному языку, ситуацией экзамена и ситуацией межличностного взаимодействия носителя русского языка как неродного с носителями русского языка как родного существует разрыв, иногда приводящий к противостоянию в методике их оценивания. Все вышесказанное усугубляется разделением русского языка в учебных целях и в целях оценивания на экзамене на уровни, актуальные только для студентов и преподавателей или тестеров, поскольку в ситуации живого диалога и живого общения с иностранцем носители русского языка как родного, не являющиеся уча-

стниками образовательного процесса, не в состоянии игнорировать допущенную им ошибку только на основании того, что она не соответствует достигнутому им уровню владения русским языком.

Выводы

В исследовании приведены лишь некоторые ошибки, которые можно квалифицировать как абсолютные и относительные, однако, безусловно, их спектр намного шире указанного в исследовании, именно поэтому вопрос выявления видов относительных ошибок требует дальнейшей детальной проработки с целью определения, прежде всего, типовых случаев возникновения относительных ошибок, осложняющих коммуникацию на русском языке между носителями русского языка как родного и носителями русского языка как неродного.

Понимание природы этих ошибок способствует не только более точному и полному пониманию того, о чем говорят иностранцы, но и предотвращению подобных ошибок в их речи за счет корректировки учебных программ, проектирования учебников и учебных пособий нового поколения, учитывающих свежие актуальные исследования в области лексико-грамматических отношений, представленных в русском языке, а также за счет пересмотра и уточнения методики оценивания лингводидактического тестирования.

Библиографические ссылки

1. Воронова Л. В. Оценочные шкалы и их применение в тестировании письменной речи иностранных учащихся // Ученые записки ЗабГГПУ. 2011. С. 37–40.
2. Игнатъева О. П. Роль коммуникативной компетенции в переосмыслении теории ошибки // Лингвокультурологические и лингвострановедческие аспекты теории и методики преподавания русского языка : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тула, 2009. С. 290–297.
3. Фомина Н. С. Коммуникативно значимые и незначимые ошибки в письменной речи тестируемых по русскому языку как иностранному // Концепт. 2015. № 12 (декабрь). С. 16–20.
4. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение : учеб. пособие. Москва : Издат. группа USSR, 2020. 192 с.
5. Коккота В. А. Лингводидактическое тестирование : учеб. пособие. Москва : Высшая школа, 1989. 127 с.
6. Методика преподавания русского языка как иностранного / О. Д. Митрофанова, В. Г. Костомаров [и др.]. Москва : Русский язык, 1990. 268 с.
7. Склизов Ю. А. О функциональных критериях контроля // Актуальные вопросы контроля в обучении иностранным языкам в средней школе : сб науч. трв. Москва : Изд-во НИИ школ МПРСФСР, 1986. С. 6–13.
8. Corder S. P. Error Analysis, Interlanguage and Second Language Acquisition. Cambridge University Press, 1979. 120 p.
9. Мусницкая Е. В. 100 вопросов к себе и ученику : книга для учителя [иностранного языка]. Москва : Русский язык, 1996. 120 с.
10. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва : Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
11. Рабочая тетрадь тестора : учеб. пособие / Т. М. Балыхина [и др.]. Москва : РУДН, 2015. 145 с.
12. Лазарева О. А. Школа тестора: Лингводидактическое тестирование ТРКИ-TORFL. Москва : Русский язык. Курсы, 2013. 144 с.
13. Там же.
14. Там же.
15. Балыхина Т. М. Основы теории тестов и практика тестирования. В аспекте русского языка как иностранного. Москва : Русский язык. Курсы, 2009. С. 144–145.
16. Фомина Н. С. Коммуникативно значимые и незначимые ошибки в письменной речи тестируемых по русскому языку как иностранному // Концепт. 2015. № 12. С. 16–20.
17. Воронова Л. В. Оценочные шкалы и их применение в тестировании письменной речи иностранных учащихся // Ученые записки ЗабГГПУ. 2011. № 2 (37). С. 37–40.
18. Hymes D. On communicative Competence // Direction in sociolinguistics. New-York ; London : Holt ; Rinehart & Winston, 1972. 598 p.
19. Лазарева О. А. Социокультурная значимость коммуникативно-речевой компетентности // Педагогическое образование в России. 2011. №3. С. 96–101.
20. Некителова И. М. Соотношение многозначных слов изучаемого и родного языков как особый случай языковой интериоризации // Ruski jezik u digitalnom okruženju u vrijeme pandemije / Urednica Irena Mikulaco. Izdavač: Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska, Pula, 2021. S. 541–529.
21. Некителова И. М. Процессы языковой интериоризации и экстериоризации в осуществлении межкультурной коммуникации в пространстве поликультурного социума // Современные тренды в межкультурной коммуникации и дидактике. Варшава : Варшавский государственный университет, 2021. С. 396–421.
22. Кузнецов В. А., Исаев Л. К., Шайко И. А. Метрология. Москва : Стандартиформ, 2005. 300 с.
23. Большой экономический словарь: 25000 терминов / [авт. и сост. А. Н. Азрилиян и др.]; под ред. А. Н. Азрилияна. Изд. 6-е, доп. Москва : Институт новой экономики, 2004. 1376 с.
24. Абсолютная ошибка // Словарь бизнес-терминов, 2001. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/9551> (дата обращения: 28.10.2021).
25. Оксфордский толковый словарь по психологии : в 2 т. / под ред. А. Ребера. Т.1. / пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. Москва : Вече АСТ, 2003. 592 с.

26. Sporto terminų žodynas. T. 1. 2-asis patais. ir papild. leid.: Aiškinamasis žodynas. Angliški, vokiški, rusiški terminų atitikmenys. Būtiniausias žinios / Parengė S. Stonkus. Lietuvos kūno kultūros akademija. Kaunas: LKKA, 2002.

27. Относительная погрешность // Энциклопедия по экономике. URL: <https://economy-gu.info/info/65011/> (дата обращения: 28.10.2021).

References

1. Voronova L. V. [Assessment scales and their use in testing written speech of foreign students]. *Uchyonye zapiski ZabGGPU*, 2011, pp. 37-40. (in Russ.).

2. Ignat'eva O. P. *Rol' komunikativnoj kompetencii v pereosmyslenii teorii oshibki. Lingvokul'turologicheskie i lingvostranovedcheskie aspekty teorii i metodiki prepodavaniya russkogo jazyka, materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [The role of communicative competence in rethinking the theory of error. Linguocultural and linguistic-cultural aspects of the theory and methods of teaching the Russian language, materials of the International Scientific and Practical Conference]. Tula, 2009, pp. 290-297. (in Russ.).

3. Fomina N. S. [Communicatively significant and insignificant errors in the written speech of those tested in Russian as a foreign language]. *Koncept*, 2015, no. 12, pp. 16–20. (in Russ.).

4. Cejtlin S. N. *Rechevye oshibki i ih pre-duprezhdenie, uchebnoe posobie* [Speech errors and their prevention, study guide]. Moscow, *Izdatel'skaya gruppa USSR*, 2020, 192 p. (in Russ.).

5. Kokkota V. A. *Lingvodidakticheskoe testirovanie, uchebnoe posobie* [Linguodidactic testing, study guide]. Moscow, High School Publ., 1989, 127 p. (in Russ.).

6. Mitrofanova O. D., Kostomarov V. G. [et al.] *Metodika prepodavaniya russkogo jazyka kak inostrannogo* [Methods of teaching Russian as a foreign language]. Moscow, Russian language Publ., 1990, 268 p. (in Russ.).

7. Sklizkov YU. A. *O funkcional'nyh kriterijah kontrolja. Aktual'nye voprosy kontrolja v obuchenii inostrannym jazykam v srednej shkole, sbornik nauchnyh trudov* [On functional control criteria. Topical issues of control in teaching foreign languages in secondary school, collection of scientific papers]. Moscow, Publ. House of the Research Institute of Schools of the MPRSFSR, 1986, pp. 6-13. (in Russ.).

8. Corder S. P. *Error Analysis, Interlanguage and Second Language Acquisition*. Cambridge University Press, 1979. 120 p.

9. Musnickaya E. V. *100 voprosov k sebe i ucheniku, kniga dlja uchitelja [inostrannogo jazyka]* [100 questions for yourself and your student, a book for a teacher [of a foreign language]]. Moscow : Russian language Publ., 1996, 120 p. (in Russ.).

10. Azimov E. G., Shchukin A. N. *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow, IKAR Publ. House, 2009, 448 p. (in Russ.).

11. Balyhina T. M., El'nikova S. I., Kostina S. G., Rumyancheva N. M., Careva N. YU. *Rabochaja tetrad'*

testora, uchebnoe posobie [Tester's workbook, study guide]. Moscow, RUDN Publ., 2015, 145 pp. (in Russ.).

12. Lazareva O. A. *SHkola testora: Lingvodidakticheskoe testirovanie TRKI-TORFL* [Tester School: Linguodidactic testing of TRKI-TORFL]. M.: Russkij yazyk. Kursy, 2013. 144 s. (in Russ.).

13. Ibidem.

14. Ibidem.

15. Balyhina T. M. *Osnovy teorii testov i praktika testirovaniya. V aspekte russkogo jazyka kak inostrannogo* [Fundamentals of test theory and testing practice. In the aspect of Russian as a foreign language]. Moscow, Russian language. Courses Publ., 2009, pp. 144-145. (in Russ.).

16. Fomina N. S. [Communicatively significant and insignificant errors in the written speech of test takers in Russian as a foreign language]. *Koncept*, 2015, no. 12, pp. 16-20. (in Russ.).

17. Voronova L. V. [Grading scales and their application in testing the written language of foreign students]. *Uchyonye zapiski ZabGGPU*, 2011 no. 2 (37), pp. 37-40. (in Russ.).

18. Hymes D. *On communicative Competence // Direction in sociolinguistics*. New-York, London: Holt, Rinehart & Winston, 1972. 598 p.

19. Lazareva O. A. [Sociocultural significance of communicative-speech competence] *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2011, no. 3, pp. 96-101. (in Russ.).

20. Nekipelova I.M. *Sootnoshenie mnogoznachnyh slov izuchaemogo i rodnogo yazykov kak osobyj sluchaj yazykovoj interiorizacii* [The ratio of multi-valued words of the studied and native languages as a special case of linguistic interiorization]. *Ruski jezik u digitalnom okruženju u vrijeme pandemije / Urednica Irena Mikulaco*. Izdavač: Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska, Pula, 2021. S. 541-529.

21. Nekipelova I. M. *Processy jazykovoj interiorizacii i jeksteriorizacii v osushhestvlenii mezhkul'turnoj komunikacii v prostranstve polikul'turnogo sociuma. Sovremennye trendy v mezhkul'turnoj komunikacii i didaktike* [The processes of linguistic interiorization and exteriorization in the implementation of intercultural communication in the space of a multicultural society. Modern trends in intercultural communication and didactics]. Warsaw, Warsaw State University, 2021, pp. 396-421. (in Russ.).

22. Kuznecov V.A., Isaev L. K., SHajko I. A. *Metrologija* [Metrology]. Moscow, Standardinform, 2005, 300 p.

23. Azrilijan A. N. Ed. A. N. Azrilijana. *Bol'shoj je-konomicheskij slovar': 25000 terminov. Izdanie 6-e, dopolnennoe* [The Big Dictionary of Economics: 25,000 terms. Edition 6, revised]. Moscow, Institute of New Economy Publ., 2004, 1376 p.

24. *Absolutnaja oshibka. Slovar' biznes-terminov, 2001* [An absolute mistake. Dictionary of Business Terms, 2001]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/9551> (accessed 28.11.2021). (in Russ.).

25. Ed. by A. Reber. *Oksfordskij tolkovyj slovar' po psihologii, v 2 tomah. Tom 1. Perevod s anglijskogo E. Ju. Chebotareva* [Oxford Explanatory Dic-

tionary of Psychology: in 2 vol., vol. 1. Translated from English by E. Yu. Chebotarev]. Moscow, Veche AST Publ., 2003, 592 p.

26. Sporto terminų žodynas. T. 1. 2-asis patais. ir papild. leid.: Aiškinamasis žodynas. Angliški, vokiški, rusiški terminų atitikmenys. Būtiniausias žinios /

Parengė S. Stonkus. Lietuvos kūno kultūros akademija. Kaunas: LKKA, 2002.

27. *Otnositel'naya pogreshnost'*. *Enciklopediya po ekonomike* [Relative error. Encyclopedia of Economics]. Available at: <https://economy-ru.info/info/65011/> (accessed 04.11.2021) (in Russ.).

I. M. Nekipelova, PhD in Philology, Associate Professor
Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia

ABSOLUTE AND RELATIVE ERRORS IN THE SPEECH OF NATIVE SPEAKERS: DISTINCTION AND TYPES

The article is devoted to the study of the nature of errors made by native speakers of the Russian language as non-native in speech. In the research, the author revised the principles and criteria of errors and mistakes and showed absolute and relative errors along with communicative-significant and communicative-insignificant errors. The research uses the problem-oriented method. It allows you to use the terms of other sciences that give a more accurate understanding of the situation under study. Absolute errors and mistakes should include those errors that are visible and that affect (communicatively significant) or do not affect (communicatively insignificant) understanding of the situation. Relative errors and mistakes should include those errors that are not visible, but that affect the understanding of the situation. The modern linguodidactic system for evaluating errors in speech is based on the detection of only absolute errors. However, the allow of relative errors by speakers sufficiently complicates the social interaction of native speakers of the Russian language and native speakers of the Russian language as non-native, as it arises due to violations in the expression of the basic categories embedded in the Russian language and forming its uniqueness. However, situations where speakers make relative mistakes seriously complicate the social interaction of native speakers of the Russian language and non-native speakers of the Russian language, because it arises due to violations in the expression of basic categories. These categories are embedded in the Russian language and form its uniqueness. Among such categories, the author identifies the categorical expression of absolute and relative characteristic; performance and ineffectiveness of the action; belonging; existence and joint action; modality; completeness and insufficiency of the action. Finally, it was concluded that relative errors most often occur when topics containing the expression of these categories are poorly developed in curricula, textbooks and textbooks. The author concluded that understanding the nature of absolute and relative errors contributes not only to a more complete understanding of the speech of foreigners, but also to the prevention of these errors as a result of processing and adjusting the curriculum. This is necessary for the design of new textbooks and the revision of the evaluation methodology of linguodidactic testing.

Keywords: absolute errors; relative errors; communicative-significant errors; communicative-insignificant errors; teaching Russian as a non-native language; evaluation methodology.

Получено: 08.11.2021

Образец цитирования

Некпелова И. М. Абсолютные и относительные ошибки в речи носителей русского языка как неродного: разграничение и виды // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2021. Т. 17, № 4. С. 54–69. DOI: 10.22213/2618-9763-2021-4-54-69.

For Citation

Nekipelova I. M. [Absolute and Relative Errors in the Speech of Native Speakers: Distinction and Types]. *Social'no-jekonomicheskoe upravlenie: teorija i praktika*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 54-69 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2021-4-54-69.